

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 года.

1887 г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

утлую рыбацью душегубку, доѣхалъ онъ по Глубочихинскому озеру до Рай-городка, сидя совершенно невозмутимо на очень неловкомъ проволочномъ переплетѣ носа лодки. Онъ восхитился ландшафтомъ Рай-городка, съ котораго видно Бологое, и былъ чрезвычайно доволенъ, что проѣхалъ по озеру, по которому до него не плавалъ ни одинъ изъ путешественниковъ. Сколько я знаю, потомъ господинъ Лонгсъ ѣздилъ въ Москву, бесѣдовалъ тамъ съ нашимъ митрополитомъ Филаретомъ и затѣмъ ѣздилъ въ мировой участокъ князя В. А. Черкаскаго (въ Тульской губ.), откуда поѣхалъ въ Англію, гдѣ и напечаталъ о своемъ путешествіи въ Россію.

III.

Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ времени моего мирового посредничества нужно считать годы, въ которые я имѣлъ счастье встрѣчаться съ покойнымъ государемъ Александромъ II Освободителемъ.

Какъ извѣстно, императоръ любилъ звѣриныя охоты. Въ бологовской же мѣстности, зимою, въ нашихъ и сосѣднихъ лѣсахъ бывало много дикихъ животныхъ и на нихъ ежегодно производились облавы. Въ настоящее время крупныхъ звѣрей стало менше, но лѣтъ 15 тому назадъ, когда вблизи существовали обширныя лѣса, охоты устраивались великолѣпныя. Большую часть лѣсовъ уничтожила желѣзная дорога и теперь нѣтъ и помину о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ прежде осуществлялись близъ Бологое императорскія охоты. Звѣрей для зимнихъ охотъ имѣлось много различныхъ породъ: медвѣди, лоси, дикія козы, зайцы и даже знаменитые сѣверные олени (*cervus tarandus*). Объ оленяхъ между охотниками происходили споры, многіе утверждали, что не другая-ли это какая порода! Но одна очень удачная охота императора, на которой ихъ застрѣлили нѣсколько штукъ — положительно доказала, что это были дѣйствительно

сѣверные олени ¹⁾, ихъ даже стрѣляли въ Тверской губерніи, хотя и рѣдко. Къ намъ же они заходили довольно часто, но теперь уже лѣтъ 15 о нихъ не слышно. *Cervus tarandus* знаменитъ тѣмъ, что одинъ изъ самыхъ цивилизованныхъ періодовъ каменнаго вѣка, періодъ магаденъ во Франціи, приурочивался къ тому времени, когда *cervus tarandus* жилъ во Франціи вмѣстѣ съ мамонтомъ (*Elephas primigenius*), бобромъ (*Castor fiber*) и другими, тамъ нынѣ не существующими, породами звѣрей.

Охоты на лосей, оленей и дикихъ козъ совершались облавами; что же касается до медвѣдей, то кромѣ облавъ ихъ стрѣляли въ берлогахъ. Когда отецъ убѣждался, что существуютъ около насъ стада лосей, дикихъ козъ, оленей и медвѣдь или медвѣди, то извѣщалъ о томъ графа Ферзена, который высылалъ затѣмъ двухъ придворныхъ егерей для провѣрки окладовъ. Егеря на лыжахъ каждый день до охоты обходили кругомъ тѣ мѣста, на которыхъ стояли звѣри, и удостовѣрялись, не тронулись-ли они и не вышли-ли за обходимый ими кругъ (окладъ). Затѣмъ, если элементовъ для охоты было достаточно и имѣлся въ запасъ медвѣдь, то приѣзжали унтеръ-егермейстеръ и управляющій царскими охотами.

Нужно сказать, что охоты на оленей, лосей и дикихъ козъ считались лучше медвѣжьихъ, и такъ какъ онѣ болѣе послѣднихъ подвергались случайностямъ, то какъ вѣрный исходъ всегда былъ необходимъ медвѣдь, на котораго охоты рѣдко не удаются. Затѣмъ приѣзжалъ оберъ-егермейстеръ съ егерями и, наконецъ, государь императоръ со свитой. Одинъ изъ эпизодовъ этихъ охотъ, болѣе рельефный, котораго отчасти я былъ свидѣтелемъ, постараюсь рассказать, какъ помню.

Въ 1862 или 1863 году въ Бологое приготовлялась хорошая

¹⁾ Доказательствомъ, что олени охоты совершались у насъ въ недавнее время, служить письмо бывшего оберъ-егермейстера графа Ферзена къ моему отцу, вотъ оно: „Ваше сіятельство! Извините, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. по сіе время былъ въ разъѣздахъ. Его величество, которому я доложилъ и рассказалъ всѣ подробности, приказалъ мнѣ еще разъ васъ благодарить и надѣется, что въ другой разъ удастся ему стрѣлять оленей у васъ. Я надѣюсь еще вамъ буду писать подробно. Отъ души преданный Г. П. Ферзень. 2 февраля 1862 года.“

охота. Присланные изъ Гатчины егеря провѣрили лосишныя и медвѣжьей оклады и сообщили объ ихъ исправности въ С.-Петербургъ. Въ ту же ночь, когда уже все было готово къ охотѣ и государь выѣхалъ къ намъ, одинъ изъ крестьянъ, думаютъ вслѣдствіе интриги, входилъ въ оклады и спугнулъ лосей. На снѣгѣ ясно виднѣлись слѣды лаптей. Эти слѣды положительно доказывали, что дѣло было не совсѣмъ чисто. Одинъ изъ егерей, сынъ доѣзжачаго императорскихъ охотъ, Борисовъ, такъ былъ разстроенъ неудачей своихъ провѣрокъ, что за нимъ наблюдали, боясь, чтобы онъ не захворалъ, такъ какъ онъ считалъ, что этотъ промахъ его компрометируетъ. Оставался одинъ медвѣдь, приготовленный какъ ресурсъ на случай неудачи съ лосями.

Пріѣздъ государя совершался всегда вечеромъ; его сопровождали иногда великіе князья, приглашенные почетныя лица, свитскіе генералы и проч. лица.

Походныя кровати государя императора и великихъ князей и разныя принадлежности для стола и принасовъ привозились заранѣе. Весь домъ передавался для императора и великихъ князей, а также кухня, такъ какъ ужины, завтраки и обѣды приготовлялись придворными поварами. Сани для охотъ привозились изъ С.-Петербурга, только лошади для великихъ особъ были отъ насъ. Свита ѣздила на нанятыхъ лошадяхъ. Видъ пріѣзда со станціи вечеромъ въ домъ бывалъ чрезвычайно оригиналенъ и живописенъ. Отецъ доставалъ всегда отъ смоленниковъ нѣсколько кубическихъ сажень смолы и по обѣимъ сторонамъ дороги приказывалъ складывать костры. Только что царскій поѣздъ двигался со станціи, костры зажигались и царскія сани съ черными медвѣжьими полостями, съ государемъ и свитой, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ, быстро скользили по снѣгу къ нашему дому; тамъ уже всегда стоялъ сервированный ужинъ, за который скоро всѣ садились и затѣмъ, за исключеніемъ государя и великихъ князей, всѣ приглашенные уѣзжали изъ нашего дома на станцію, гдѣ для ихъ ночлега въ большомъ пассажирскомъ залѣ раскидывались палатки съ кроватями и туалетными принадлежностями. Комнаты нашего дома распредѣлялись такъ: въ залѣ подавались чай, ужинъ и проч., гостинная служила для пріемовъ, комната за гостинной (угловая) назначалась

для опочивальни и кабинета. Въ этой комнатѣ помѣщались походная кровать, походный молитвенный столикъ съ образами и молитвенниками и письменный столъ, недалеко отъ камина.

Не смотря на то, что зачастую императоръ далеко за полночь разговаривалъ съ охотниками, онъ все-таки между тѣмъ занимался дѣлами. Сидя у письменнаго стола, имъ слушались доклады секретаря и принимались депеши. Не нужныя письменныя бумаги летали въ каминъ, который нарочно для этого затапливался. Доклады иногда продолжались до двухъ часовъ ночи. Носились слухи, что въ Бологое совершался обмѣнъ депешъ съ Наполеономъ III по поводу польскихъ дѣлъ.

Затѣмъ, сдавъ доклады, секретарь уходилъ и государь долго и горячо молился. Потомъ часа въ два или три онъ засыпалъ, покрывшись тоненькой военной шинелью. Этотъ сонъ продолжался не долго: часовъ въ 5 или 6 утра уже надо было отправляться на охоту. Велики были заботы и труды покойнаго государя, который даже и въ дни охотъ не оставлялъ ихъ. Какъ извѣстно, охоты считались докторами необходимыми для его здоровья. И все таки, не смотря на очевидную пользу моціона на хорошемъ воздухѣ, одна изъ петербургскихъ партій возставала противъ охотъ; ея происки ясно выразились при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ въ Бологое небольшой медвѣдь прорвался сквозь кругъ; одинъ изъ крестьянъ хотѣлъ его остановить, но тотъ кинулся на него: разорвалъ тулупъ и не много оцарапалъ спину. Во время этой же охоты былъ сильный морозъ, вслѣдствіе чего нѣсколько крестьянъ познобили уши, но такъ легко, что простое треніе снѣгомъ и проч. тотчасъ все поправило.

Въ С.-Петербургѣ объ охотѣ стали говорить, и снѣжный комъ сплетенъ разросся въ лавину. Говорятъ, нѣкоторые изъ любопытныхъ рыскали по госпиталямъ С.-Петербурга, узнавая нѣтъ ли гдѣ искалѣченныхъ морозомъ изъ бологовской охоты. Слухи даже дошли до покойной императрицы, которая объ этомъ имѣла разговоръ съ императоромъ. Въ слѣдующую затѣмъ охоту въ Бологое государь вызвалъ моего отца въ пріемную комнату, и вотъ приблизительно ихъ разговоръ:

— «Скажи, князь, что сдѣлалось съ крестьяниномъ, на котораго кинулся медвѣдь?»

«Онъ совершенно здоровъ, ваше императорское величество. Тотчасъ послѣ охоты его освидѣтельствовалъ докторъ Торопогрицкій и нашелъ на немъ только пустыя царапины. Когда же черезъ графа Ферзена ему пришло вознагражденіе, то онъ отъ радости не зналъ какъ благодарить ту судьбу, которая, заставивъ его такъ легко отдѣлаться, вручила изрядныя деньги для его домашняго обихода».

— «Ну, а тѣ, которые поморозились?»

«Всѣ здоровы, ваше императорское величество; правда, нѣкоторые понятали уши, щеки или носа, но не болѣе того, какъ отмороживаютъ себѣ извошники въ Петербургѣ—и нѣтъ ни одного, который заплатился-бы чѣмъ нибудь серьезнымъ».

— «Правда ли, князь?»

«Честное слово русскаго дворянина, который никогда не позволитъ сказать лжи своему монарху».

Тутъ серьезный тонъ государя измѣнился какъ-бы въ тонъ упрека: «Ну вотъ, я такъ и думалъ,—радъ; зачѣмъ-же они такъ говорили!»

Дѣйствительно, не мало порицанія достойны тѣ люди, которые распускали нелѣпые слухи и раздували ихъ намѣренно.

Продолжаю далѣе мой рассказъ.

Въ одномъ изъ флигелей около дома помѣщались графъ Ферзень и мой отецъ, въ другомъ, какъ я говорилъ, кухня. Тогда я еще не былъ представленъ государю императору и потому почевать отправился въ домъ сосѣдняго помѣщика Василевскаго, который отъ насъ отстоялъ сажень на 100 за рѣчкой.

Утромъ чуть-свѣтъ меня разбудили, такъ какъ графъ Ферзень разрѣшилъ мнѣ стоять инкогнито возлѣ отца на его нумерѣ. Обыкновенно при облавахъ раздаются №№ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ охотники ставятся, не имѣя права передвигаться съ мѣста на мѣсто во время облавы. Много крестьянъ и крестьянокъ оцѣпили ту мѣстность, въ которой былъ прослѣженъ медвѣдь. Егеря, за исключеніемъ тѣхъ, которые были назначены присматривать за загонщиками, вошли въ кругъ. Нужно замѣтить, что въ число придворныхъ егерей выбирались всегда статные и ловкіе люди. Они вооружались охотничьими ножами и ремингтоновскими двухствольными ружьями, которыя для

облавы заряжались холостыми зарядами. У нѣкоторыхъ были рогатины. Привычка и смѣлость дѣйствовать дѣлали то, что егеря по снѣгу почти навѣрняка выставляли на № императора обложеннаго медвѣдя. Медвѣдь иногда шелъ какъ какое нибудь послушное домашнее животное, побуждаемый криками и движеніями егерей. Эта назойливость, однако, вызывала иногда опасности: такъ, съ однимъ изъ егерей охота чуть чуть не окончилась худо. Медвѣдь приперъ егеря къ дереву и уже собирался запустить лапу съ затылка, чтобы снять черепную чашку. Одно присутствіе духа только спасло его, онъ не потерялся и выпустилъ два холостые заряда медвѣдю въ морду, который, не ожидая этого угощенія, рывкнулъ и откинулся назадъ и, оставивъ своего преслѣдователя, побѣжалъ на охотниковъ. Другой разъ медвѣдь разулъ сапогъ егеря, захватившись за него, когда тотъ лѣзъ на дерево, и проч., и проч.

Но вотъ охота, на которой я присутствовалъ, началась: знакъ былъ поданъ, крики рабочихъ, выстрѣлы егерей смѣшались вмѣстѣ. Гулъ дѣлался все громче и громче по мѣрѣ того, какъ окладъ суживался. Вотъ прошли и егеря, а медвѣдя нѣтъ какъ нѣтъ. Взорвали нѣсколько шлаковъ, пустили въ окладъ двухъ громадныхъ медіоландскихъ собакъ, даръ одного англійскаго лорда, и все-таки медвѣдь не поднялся. Охота оказалась не удачною, ее покончили; подали другой сигналъ и всѣ двинулись къ намъ обратно. Ружья и охотничьи принадлежности отправили прямо на вокзалъ. Я же опять вернулся въ домъ Василевскаго.

Около часа прошло времени, когда въ зало, въ которомъ я сидѣлъ, взшелъ мой покойный отецъ,—какъ теперь помню его блѣдное, взволнованное лицо. Оно нервно какъ-то подергивалось; видно, что отцу было тяжело и онъ какъ будто для того, чтобы успокоиться близъ роднаго человѣка, пришелъ ко мнѣ.

— «Что съ вами, батюшка?» спросилъ я.

— «Ахъ, Павелъ, ты не можешь понять, что я почувствовалъ во время завтрака. Почти всѣ придворныя свиты, которыя были такъ любезны по пріѣздѣ, теперь какъ-бы наперерывъ старались высказывать свою холодность. Говорили даже, что будто я приглашалъ государя на пустую охоту. Графъ Ферзенъ раз-

строень, мелкіе уколы выводятъ его изъ себя и онъ обезкураженъ неудачей».

Во время нашего разговора входитъ лакей, докладывая, что спрашиваетъ отца какой-то крестьянинъ.

— «Что ему надо? Миѣ не до него, впрочемъ, позовите». Въ комнату вошелъ одинъ изъ охотниковъ деревни Подлипья, помнится, Дмитрій, съ докладомъ, что медвѣдь найденъ.

— «Какъ найденъ?»

— «Да въ берлогѣ. Когда охота кончилась, я пошелъ по окладу. Вдругъ слышу хряснетъ хворостье, я ближе, вижу яма подъ сучьями, а въ ней уши торчатъ, медвѣдица то ими поводитъ, должно быть вслушивается, я потихоньку назадъ, да и къ вамъ, ваше сіятельство».

— «Да такъ-ли?»

— «Какъ же не такъ, когда видѣлъ своими глазами».

Отецъ стоялъ и не зналъ что дѣлать; наконецъ, рѣшился идти сообщить объ этомъ. Нѣсколько времени спустя, я уже видѣлъ, какъ сани одни за другими промчались мимо Василевскаго дома. Что-же въ это время происходило—передаю со словъ отца.

— «Когда я пошелъ сообщить о медвѣдѣ, то узналъ, что императоръ игралъ въ карты; меня подвели къ нему и я доложилъ, что медвѣдь найденъ. При этомъ случаѣ рельефно проявилась присущая государю черта его высокой доброты. «Ѣдемъ, скажь онъ», и все вокругъ засуетилось. За ружьями послали обратно, ихъ тотчасъ доставили и все двинулось въ путь. Отецъ и графъ Ферзенъ опасались за охоту, такъ какъ охота въ берлогѣ очень опасна и иногда худо кончается. Графъ Ферзенъ, у котораго былъ горячій характеръ, дорогой все разспрашивалъ охотника, сомнѣваясь въ его словахъ. Но вотъ подъѣхали къ бывшему окладу, егеря быстро протоптали по снѣгу дорогу къ берлогѣ, отрядивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ рогатинами для того, чтобы вызвать изъ нея медвѣдя. Протоптанная тропа была очень узка, на ней могли помѣститься только трое рядомъ. Эти трое были: государь императоръ, графъ Ферзенъ и отецъ. Ни отецъ, ни графъ Ферзенъ не могли имѣть ружей по случаю близкаго разстоянія другъ отъ друга. У нихъ только и были кинжалы, которые они вынули изъ ноженъ. У графа Ферзена кинжалъ

первно дрожаль въ рукѣ. Все стихло. Егеря стали шевелить въ берлогѣ рогатинами. Показалась черная масса.

— «Ваше величество, медвѣдь».

— «Гдѣ?»

— «Вотъ тамъ»

— «А, вижу».

Затѣмъ раздался выстрѣлъ и дымомъ застлало лѣсную чащу. Ни рева, ни стопа. Въ это время отецъ кинулся впередъ.

— «Князь, что ты дѣлаешь?»

Отецъ не могъ отвѣчать. Снѣгъ поскользнулъ подь его ногами и онъ повисъ надъ берлогой, держась за сучья.

— «Да снимите же, помогите ему», закричалъ государь.

Тотчасъ же два егеря подхватили отца и поставили его возлѣ берлоги. Оказалось, что въ берлогѣ лежала медвѣдица; она была убита моментально, пуля попала въ переносицу и свалила ее наповаль. Около нея копошились медвѣжата. Шумъ облавы не вызвалъ ее потому, что она въ то время щенилась. Что же касается до того, отчего отецъ бросился къ берлогѣ, то этому объясненіе просто. Отецъ думалъ, что медвѣдица ранена и кинулся принять ее на ножъ. Извѣстно, что почти всегда тяжело-раненый медвѣдь зареветъ, исключая, разумѣется, моментально убитаго, и наоборотъ. Когда медвѣдь легко раненъ, то онъ, прижавъ уши, быстро выскакиваетъ и кидается безъ крика на стрѣлявшаго. Это-то и предполагалъ отецъ, рѣшившись броситься впередъ, чтобы удержать его натискъ. Къ счастью, какъ я сказалъ, медвѣдь былъ убитъ наповаль; его взвалили на сани и повезли на станцію.

Все повеселѣло.

Пошли толки, шутки, что медвѣдица отъ того и не выходила, что вѣрно ожидала акушера, и проч., и проч.

Тѣ, которые такъ недавно чуждались отца, обступили его съ приглашеніями къ себѣ и заявленіями своего расположенія. Разумѣется, отецъ царедворцевъ благодарилъ, но такъ какъ дворъ не былъ его стихіей и онъ ничего не добивался въ этой сферѣ, высоко цѣня свой постъ предводителя дворянства, то и не желалъ воспользоваться этими приглашеніями. Ему всегда думалось, что въ придворномъ кругу онъ не счумѣлъ-бы удержаться, говоря,

что для этого потребно многое, и, даже проникнувшись подобною цѣлью, необходимо къ тому готовиться съ малолѣтства и имѣть обширныя связи.

Оставшіеся отъ царскихъ охотъ оклады, если вскорѣ не предвидѣлось второй императорской охоты, раздавались частнымъ лицамъ.

На трехъ подобныхъ охотахъ пришлось и мнѣ участвовать.

Одна изъ нихъ была на дикихъ козъ. Дикія козы—это красивыя миниатюрныя животныя. Ихъ маленькія, какъ выточенныя, пожки, при быстромъ бѣгѣ, рѣжутъ поверхность снѣга. Прелестныя мордочки спокойно обнюхиваютъ воздухъ, прислушиваясь къ шуму облавъ. Напрасно онѣ стараются спрятать между оголенными кустами свою пятнистую шкуру,—достаточно одной картечины, чтобы уложить ихъ бѣдное тѣлцо. Одну козу мнѣ пришлось убить, большая слеза дрожала на ея щекѣ и задорное охотничье чувство смѣнилось сожалѣніемъ.

Другія двѣ охоты были на медвѣдей.

Маленькій муравѣдь прорвался послѣ выстрѣла сквозь цѣпь, другой огромный стервятникъ вышелъ на бывшаго губернатора Скарятина. Скарятинъ былъ вооруженъ тремя двуствольными ружьями. Одно близъ куста, другое со стержнемъ на поясѣ и третье въ рукахъ. Медвѣдь подбѣжалъ, переваливаясь, шаговъ на восемь отъ Скарятина. Первые два выстрѣла ошеломили, онъ остановился, затѣмъ раздались слѣдующіе выстрѣлы изъ ружья, бывшаго за поясомъ, и, наконецъ, остальные изъ ружья, стояшаго у куста. Медвѣдь повернулся не раненый и побѣжалъ обратно къ цѣпи. Я стоялъ возлѣ нумера Скарятина и, не смотря на правило оставаться на мѣстѣ, выскочилъ не много впередъ, чтобы лучше прицѣлиться изъ штуцера Пирко: разъ, два! но медвѣдь не вернулся, хотя и нашлись на снѣгу слѣды крови отъ моей пули, вѣроятно одна изъ пуль поцарапала его шкуру. Мнѣ хотѣлось ранить медвѣдя, думая, что это заставитъ его идти въ драку. Въ запасѣ еще имѣлось надежное французское ружье Лепажя, съ которымъ можно бы смѣло сразиться съ медвѣдемъ, хотя и случаются иногда отъ торопливости случаи, подобные Скарятинскому.

Счастіе быть представленнымъ покойному императору

Александрѣ II я удостоился, какъ помнится, въ 1863 году, во время проѣзда его величества въ Москву.

На станціи Бологое одновременно являлись новгородскій губернаторъ Д. Я. Скарятинъ, мой отецъ и предводитель дворянства—П. П. Косоговскій. Государь тогда проѣзжалъ съ императрицей и довольно большой свитой. Тутъ были графъ Строгановъ, графиня Блудова, Столыпина и проч.

Когда поѣздъ остановился, то государь, поговоривъ немного съ отцемъ, Скарятинымъ и Косоговскимъ, удалился вмѣстѣ съ императрицею въ царскія комнаты. Оттуда вышелъ одинъ изъ придворныхъ и передалъ намъ, что мы приглашены къ императорскому столу. Какъ теперь помню эти минуты: я былъ какъ въ чадѣ. Это положеніе тѣмъ болѣе было естественно, что, находясь въ военной службѣ я долженъ былъ особенно взвѣшивать свои поступки.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть возлѣ отца, котораго стулъ приходился на другой сторонѣ стола противъ императорскаго; слѣва возлѣ меня сидѣла графиня Блудова. Она со мною разговаривала о Москвѣ. Къ этому разговору присоединилась фрейлина Столыпина, спрашивая меня о Бахметевѣ, котораго мнѣ приходилось встрѣчать на новгородскихъ губернскихъ выборахъ.

Во время разговоровъ со мной случился неожиданный казусъ довольно страннаго свойства. Гвардейскія военныя каски съ султанами въ то время имѣли металлическіе орлы, которые къ тульѣ прикрѣплялись деревянными клиньшками, вдѣтыми въ металлическія петли. Нужно же было такъ случиться, что всѣ 5 или 6 клиньевъ выскочили и гербъ отдѣлился отъ каски. Хорошо еще, что я его поддержалъ рукой, а то-бы онъ упалъ на полъ. Происшедшее съ моей каской такъ меня смутило, что я только и думалъ о томъ какъ-бы лучше поддерживать гербъ, чтобы не было замѣтно невольной неисправности. Но вотъ обѣдъ кончился. Государь съ государыней встали и все засуетилось.

Государь взялъ свою фуражку и подошелъ къ отцу:

— «Позови своего сына».

Я подошелъ.

— «Отчего ты прежде мнѣ не представлялся?»

«Я не смѣлъ, ваше императорское величество».

Государь улыбнулся, обернувшись къ намъ.

— «Оно и видно, что ты несмѣлъ».

И правда, въ то время у меня было мало смѣлости. Несчастливая каска какъ будто жгла мои руки. Нужно сознаться, что моему характеру всегда была присуща черта, съ которой приходилось бороться много — это застѣнчивость отъ недовѣрія къ себѣ. Всегда сознавая справедливость русской пословицы: «смѣлость города беретъ», я никогда не могъ вполне справиться съ подобнымъ недостаткомъ.

Но вотъ все двинулось съ вокзала на платформу, я безъ каски на головѣ. Государь съ нами простился и поѣздъ, скользя почти безъ шума, тронулся въ Москву.

Мы долго еще стояли на платформѣ подъ впечатлѣніемъ милостиваго пріема.

Говоря объ охотахъ покойнаго императора Александра II, приходится еще рассказать одинъ эпизодъ, касающійся моихъ занятій живописью.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя къ намъ на охоту, во время ужина, зашла рѣчь о картинахъ, находящихся въ Бологое.

Послѣ ужина, пересматривая снова картины съ прусскимъ посланникомъ княземъ Рейсомъ, государь похвалилъ нѣкоторые изъ нихъ, затѣмъ, поговоря немного съ нами, ушелъ въ свою опочивальню.

Желая чѣмъ нибудь доказать признательность за вниманіе нашего монарха къ такому маленькому военному человѣчку, какимъ былъ я, у меня утвердилось намѣреніе поднести эти картины его величеству.

Зная, что Императоръ чуть свѣтъ отправляется на охоту, я осмѣлился рано утромъ придти въ залъ выжидать выхода. Какъ будто на счастье, никого изъ постороннихъ не было въ залѣ, отецъ тогда толковалъ съ графомъ Ферзенемъ во флигелѣ объ охотахъ. Но вотъ изъ гостиной вышелъ Государь, веселый, оживленный. Я преклонился передъ нимъ.

— «А, ты тутъ, здравствуй!»

— «Ваше императорское величество, у меня есть до васъ просьба».

Государь удивился, думая, вѣроятно, что я не изъ числа-ли

любителей выпрашивать что нибудь для себя. Даже въ этомъ вопросѣ выражалась ему присущая снисходительность. Моя застѣнчивость заставила не такъ высказаться; было бы очень возможно, что подобная просьба сына хозяина дома могла показаться дерзкимъ и нахальнымъ попрошайничествомъ.

— «Ваше величество, вы изволили вчера похвалить нѣкоторые изъ картинъ моей коллекціи, хотя я и знаю, что всѣ эти картины слишкомъ ничтожны предъ тѣми произведеніями искусства, которыми вы обладаете, но все таки нѣкоторые изъ нихъ могли-бы быть отобраны для Эрмитажа».

Государь тогда посмотрѣлъ на меня такими ласковыми глазами, что до сихъ поръ этотъ взглядъ остался у меня въ памяти, и подалъ свою руку.

— «Non, non, mon cher, я знаю, что ты самъ любишь живопись. Благодарю, я не хочу лишать тебя твоихъ картинъ».

Эти привѣтливыйя слова Государя были для меня совершенной наградой. Все то, что я собиралъ съ такимъ трудомъ и жертвами, я готовъ былъ съ радостію передать Государю, но эти картины стали еще цѣннѣе послѣ милостивыхъ словъ монарха, и я потомъ съ большей энергіей сталъ изучать теорію живописи.

IV.

Окончивъ грамоты въ моемъ участкѣ, я хотѣлъ откомандироваться къ М. Н. Муравьеву въ Западный край, но болѣзнь сердца и совѣты докторовъ отправили меня для леченія за границу.

Предъ отъѣздомъ Н. А. Милютинъ, который былъ мнѣ сродни по женѣ его, М. А. Абаза—предлагалъ мнѣ ѣхать въ Царство Польское съ нимъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, А. О. Гильфердингомъ и др. для совершенія извѣстныхъ реформъ по устройству сельскаго состоянія. Это предложеніе я не могъ принять, такъ какъ доктора рѣшительно совѣтовали мнѣ не уклоняться отъ поѣздки за границу для леченія. Желая часть вре-